Мария ВАЛОВАЯ

Евразийская интеграция как фактор модернизации

Решая задачи модернизации, Россия всегда испытывала попеременно то восточное, то западное влияние и в зависимости от того, какое из них доминировало, выбирала ту или иную модель модернизации.

Так, в эпоху империи Чингисхана в Московском царстве создавалась восточная модель государственного управления. При Иване III возник интерес к Западу – к Византии, причем мы заимствовали не только формы властных отношений, но даже герб, который существует до сих пор. Иван Грозный присоединил два восточных царства – Астрахань и Казань, управлял исключительно жесткими методами, ввел опричнину. Конечно, речь идет не о методах модернизации, а лишь о генеральной линии. Но тенденция очевидна. Занимая стратегическое положение между Востоком и Западом, Россия постоянно сталкивалась с необходимостью поиска баланса между западным и восточным импульсами.

В настоящее время происходит то же самое. Сегодня особенно популярны две модели: *либеральная* – она же концепция нового государственного управления, суть которой в расширении поля действия рыночных механизмов, методов, мотиваций, включая рост роли и влияния частной сферы, а также иные способы вовлечения частной сферы в решение задач государственного управления; в клиентских отношениях между государством и потребителем, и *солидарная*. Вторую модель отличают активная целенаправленная социальная политика государства, которое берет на себя ряд общенациональных функций образования, здравоохранения, социального обеспечения и т. д., ответственность всего общества за судьбу каждого гражданина, и эта модель предполагает различные формы собственности.

Сегодня Россия на перепутье. В той или иной форме присутствуют обе модели. Яркий пример – ситуация с погорельцами: с одной стороны, государство помогает потерпевшим от пожаров – построены новые дома, даны средства на обзаведение имуществом, у людей появилась возможность не только пережить страшную беду, но и начать новую страницу в жизни. Но одновременно обсуждается обязательное страхование по стране – это западные импульсы, и это тоже правильно. Мы по-прежнему пребываем в состоянии спора между «западниками» и «славянофилами».

В последнее десятилетие XX и первые годы XXI столетия в России и постсоветских странах рыночный романтизм сменился пониманием необходимости жестко регулирующей роли государства в процессе либерализации экономики. Стало также очевидно, что европейский дом никого не ждет, а разобщенность и, следовательно, слабость новых государств лишь на руку крупным геополитическим игрокам.

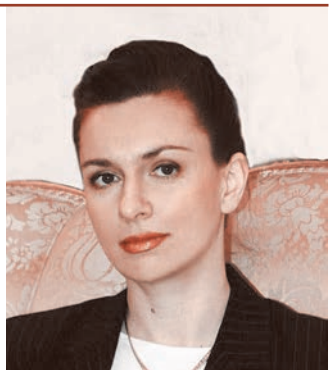
Началось «возвращение» к евразийской идее. Слово «Евразия» обрело исключительную популярность. С одной стороны, в этом отражается неподдельный интерес к идее евразийства, признание перспективности, состоятельности, значимости опирающихся на нее современных интеграционных проектов. С другой стороны, красивые идеи, к сожалению, порой становятся предметом откровенных спекуляций, когда ими прикрываются корыстные политические интересы.

Еще до нашей эры существовал скифский союз, объединявший Евразию, который уступил место Великому Тюркскому каганату, существовавшему в VI-VII веках н. э. и охватившему земли от Желтого моря до Черного. На смену тюркам пришли из Сибири монголы во главе с Чингисханом. Затем инициативу взяла на себя Россия: с XV века русские двигались на восток и вышли к Тихому океану. Российская империя выступила, таким образом, «наследницей» Тюркского каганата и Монгольского улуса, а потом ее место занял Советский Союз.

За время долгого совместного проживания у народов Евразии выработались общие обычаи, стереотипы поведения, общность духовных, культурных ценностей, вдохновившая в начале XX столетия молодых русских эмигрантов на выработку евразийской объединительной идеи.

Первые евразийцы определили контуры Евразии, которые до сих пор сторонниками этой идеи считаются незыблемыми. По их мнению, Евразия простирается от Хингана до Карпат, с юга она обрамлена полосой пустынь и неприступными Памиром, Тянь-Шанем и Гималаями, с севера – Ледовитым океаном, с запада ее граница проходит по позитивной изотерме января.

Авторы евразийской идеи ру-

Мария ВАЛОВАЯ – доктор экономических наук, профессор

ководствовались прежде всего политическими соображениями. Им надо было дать идеологическое объяснение тому, почему Российская империя после крушения возродилась в виде Советского Союза. Это беспрецедентный случай в истории человечества, которая не знает другого факта крушения, а затем возрождения многонациональных империй.

«Классическое евразийство» рождалось прежде всего как течение русской политической мысли, трактовавшей в качестве геополитической стратегии России сохранение контроля над всеми частями Российской империи. Политическая программа первых евразийцев имела ярко выраженную имперско-этатическую и религиозную основу и не предполагала появления на евразийском пространстве нескольких суверенных государств как равноправных членов мирового сообщества.

Тем не менее в евразийском учении содержится немало свежих и плодотворных идей. Они востребованы в современных условиях, когда после крушения СССР и формирования СНГ наступил конец «имперской» объединительной модели, основанной на принципах тоталитаризма и унитаризма, и начался поиск новой модели интеграции на основе добровольности, равноправия и независимости. Евразийское учение, которое новаторски поставило проблему соотношения Европы и Азии, «тюркского» и «славянского» блока, обрело новое дыхание.

На волне крушения Советского Союза возник интерес к давно, казалось бы, забытому евразийскому учению, поскольку оно, при всей его противоречивости, оказалось единственным, которое все-таки может предложить реальную объединительную гуманитарную доминанту. Современная евразийская концепция строится на общеметодологическом принципе мультилинейности социально-исторического процесса.

Под знаком переосмысления евразийской идеи прошли последние годы второго тысячелетия. Следует признать, что ценой обретения независимости стран СНГ стала утрата многих традиционных уз, извечно объединявших наши народы. Самостоятельная экономическая политика, национальные валюты, пограничные и таможенные посты и иные естественные атрибуты существования независимого государства, в возможность которых 19 лет назад никто не верил, оказались реальностью.

Да, это атрибуты суверенитета, но суверенитета образца середины прошлого века. Сегодня их нет у многих государств, чью независимость и политический суверенитет никто не ставит под сомнение.

Современные евразийские концепции используются применительно к двум геополитическим реалиям – непосредственно к самой России, остающейся Евразией в узком смысле этого слова: многонациональной, многорасовой, многорелигиозной страной, и к традиционной Евразии – постсоветскому пространству. Но контуры нынешней Евразии нельзя ограничить только границами новых независимых государств, возникших на пространстве бывшего СССР. Подлинная Евразия – мозаика разных миров.

Евразийская идея неизбежно всплывает в любых спорах о будущем России и ее соседей. Еще Д.И. Менделеев, признавая принципиальные различия в мировоззрении Европы и Азии, считал, что историческая роль России состоит в примирении интересов двух великих континентов.

Увы, приходится констатировать, что спор между «западниками» и «славянофилами», в определенной степени способствовавший рождению евразийства, продолжается в нашей стране до сих пор. При этом он приобрел новые грани. К чему должна тяготеть Россия? Каковы ее интересы на постсоветском пространстве? Какие модели модернизации ей избрать? Эти вопросы представляют интерес не только для самой России, но и для ее ближайших соседей.

К сожалению, Содружество независимых государств в том виде, как оно замышлялось, не состоялось. Оно не стало эффективно действующим интеграционным объединением, не приобрело поступательной динамики развития. Сейчас уже ясно, что к объединению в значительной степени двигали ложные стимулы, прежде всего политические, а не экономические. Процесс интеграции был во многом искусственно подчинен сиюминутным реалиям постсоветских стран, тогда как предпосылкой к реальной интеграции должно быть осознание ее экономической целесообразности для всех участников, подтвержденной соответствующими серьезными исследованиями.

К середине 1990-х годов была разработана и начала реализовываться концепция «разноскоростной интеграции», в соответствии с которой каждый этап (зона свободной торговли, Таможенный союз и т. д.) первоначально охватит лишь несколько наиболее подготовленных стран Содружества, к которым постепенно будут подключаться и другие. Началось формирование субрегиональных объединений, в рамках которых между странами-участницами устанавливается более тесное взаимодействие, чем в СНГ в целом.

Этот принцип давно применяется в Европейском союзе, под многими важными решениями которого участники подписывались отнюдь не единогласно. Так, хотя Маастрихтский договор ратифицирован всеми двенадцатью странами, он, тем не менее, допускает серьезные изъятия для Великобритании и Дании в отношении перехода к единой валюте. «Социальная хартия» ЕС, определяющая минимум социальных гарантий трудящихся, в момент ее подписания была проигнорирована Великобританией. Некоторые страны не участвуют в отдельных интеграционных механизмах не из-за «политического» их неприятия, а по причине отсутствия реальных

экономических условий. Так, долгое время Ирландия, Испания, Греция и Португалия имели возможность сохранять ограничения на свободу движения капиталов, хотя остальные страны ЕС их отменили. Экономический и валютный союз также создан в составе только 11 из 15 государств ЕС.

Некоторые интеграционные механизмы вообще зарождались как двусторонние инициативы. Это, например, франко-германский военный корпус, в определенной степени проложивший дорогу к формированию общей политики ЕС в вопросах безопасности. Другие инициативы выдвигались группой стран, например, Шенгенское соглашение об отмене пограничного контроля. Интеграционные мероприятия в ЕС не всегда точно соответствуют географическим рамкам сообщества, что не мешает соблюдению основного принципа – интеграция носит добровольный характер и в ней участвуют только те, кто реально готов к ней.

Примером разноскоростной интеграции в СНГ является ЕврАзЭС, куда входят государства, прямо заинтересованные в создании Таможенного союза. Но здесь есть ядро, более готовое к такому объединению, – Россия–Беларусь–Казахстан. 27 ноября 2009 г. эти государства делегировали комиссии Таможенного союза определенные наднациональные полномочия. А летом 2010 г. он был создан. Так что существуют весьма серьезные основания надеяться на дальнейшую интеграцию наших стран. Это продемонстрировали и итоги саммита осенью 2010 г.

Сложные процессы, происходящие на евразийском пространстве, их последствия и перспективы решения общемировых и национальных проблем вновь находят свое отражение в различных вариантах концепции евразийского единства. Последователи и противники этой идеи есть во всех странах. Различные варианты евразийского сообщества интенсивно разрабатываются и обсуждаются в России.

Мир заплатил страшную цену за возрождение европейского единства. XX век, ставший апофеозом кровавых конфликтов и междоусобиц, одновременно положил конец европейским раздорам.

На авансцену выходит Евразия. Это отчетливо понимают и многие западные специалисты. По словам американского политолога Н. Дж. Спайкмена, «кто контролирует Евразию, тот контролирует судьбы всего мира».

«Евразия – главный геополитический приз для Америки», – утверждает З. Бжезинский и призывает Соединенные Штаты использовать свое военное, экономическое, культурное преимущество для удержания контроля над Евразией. Однако его концепция – не что иное, как отголосок «холодной войны», нежелание признавать многополярность мира.

Само местоположение России определяет ее ведущую роль в объединительных тенденциях, сближении и интеграции государств Запада и Востока, с их различными политическими и экономическими системами, культурными традициями, религиями, уровнем жизни. К тому же и само время диктует новые подходы к определению места России и ее политики модернизации.

Вызовы современности. Что читать

Воронина Л.А. Научно-инновационные сети в России: опыт, проблемы, перспективы / Воронина Людмила Анфимовна, Ратнер Светлана Валерьевна. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 252 с.	В книге исследованы особенности, проблемы и тенденции развития глобальной среды генерации знаний в условиях постиндустриального общества, обобщен зарубежный и российский опыт развития существующих прототипов научно-инновационных сетей, выявлены возможности его адаптации к условиям формирования национальной инновационной системы. Определены способы сохранения и развития конкурентной среды при сетевой организации инновационной деятельности и меры, позволяющие минимизировать антиконкурентные эффекты. Сформированы методические подходы к финансовому обеспечению научно-инновационной сети на базе государственно-частного партнерства.
Шермет М.А. Управление изменениями: учебное пособие. М.: Дело АНХ, 2010. 128 с.	Рассмотрены теоретические основы и практические аспекты управления изменениями в организациях на различных этапах жизненного цикла, а также причины возникновения сопротивления проводимым изменениям и пути их преодоления. Курс «Управление изменениями» носит ярко выраженный междисциплинарный характер и является необходимым элементом обучения менеджеров.
Перес К. Технологические революции и финансовой капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / Пер. с англ. Маевский Ф.В. М.: Дело АНХ, 2011. 232 с.	Книга посвящена систематическому анализу взаимосвязи финансовых кризисов и технологических революций, придающих экономическому развитию волнообразный характер, стала лидером продаж издательства Edward Elgar Publishing. Вклад в такое развитие технологических, институциональных, финансовых и политических обстоятельств раскрывается на обширном историческом материале. Показано, что кризис ведет не только к радикальному обновлению технологической базы производства, но и к пересмотру основ экономической теории. Предназначена не только экономистам и историкам, но и менеджерам, инженерам, политикам, интересующимся прошлым и будущим развития национальной и мировой экономик.